

В городе Кремоне³⁷¹ не так давно жил некий дворянин, господин Джованни Пьетро, который долгое время любил одну даму, жившую с ним по соседству. Но как он ни старался, он не мог добиться от нее того, чего хотел. А меж тем дама эта его любила. Несчастный дворянин, измученный и удрученный, затворился у себя в доме и решил, что больше не будет понапрасну гнаться за ее любовью, ибо может поплатиться за это жизнью. И он решил, что если несколько дней не будет видеть ее, это поможет ему перестать о ней думать. Но вместо этого он затосковал и так переменялся в лице, что его невозможно было узнать. Родные его позвали врачей, и те, видя, что он весь пожелтел, решили, что у него закупорка желчного протока, и назначили кровопускание. Дама же эта, которая столько времени упорствовала, отлично знала, что причиной его болезни явился ее отказ. И она послала к нему старушку, которой вполне доверяла. Она поручила передать несчастному, что, убедившись, что чувство его к ней – не притворство, а истинная любовь, она решила уступить ему в том, в чем столько времени отказывала, и что ей удалось отыскать такое место, где они могли бы увидеться наедине. Дворянин, которому в этот день утром пускали кровь из руки, после ее слов почувствовал себя лучше, чем после всех лекарств и кровопусканий. И он велел передать ей, что непременно придет туда в тот час, который она ему назначила, прибавив к этому, что она совершила настоящее чудо, ибо своими несколькими словами излечила его от такой болезни, спасти от которой его не мог ни один врач. Как только настал долгожданный вечер, дворянин направился в то место, которое ему указали, и радость его была так велика, что ей все равно должен был наступить конец, ибо большей она быть уже не могла. И ему не пришлось долго ожидать: та, в ком он не чаял души, очень скоро к нему явилась. Он не стал заниматься излишествами любви, ибо пожиравший его огонь побудил его со всей поспешностью добиваться того, на что у него едва хватало сил. И он был до того опьянен любовью и наслаждением, что, надеясь найти средство к спасению, вместо этого ускорил свою смерть. Забыв ради любимой, сколь он слаб, он не заметил, как его забинтованная рука развязалась и стала так кровоточить, что беднягу всего залило кровью; тогда, решив, что обессилел он от избытка страсти, он захотел вернуться домой. Но любовь, безраздельно связавшая их, не стала их разлучать: в ту минуту, когда он расставался с подругой, душа его рассталась с телом. Он потерял столько крови, что упал бездыханным к ногам своей дамы, которая была в отчаянии, увидев, что безвозвратно потеряла любимого и сама была причиной его смерти. И, думая о своем горе, она стала думать и о позоре, который покроет ее имя, когда труп обнаружат у нее в доме. И вот, вместе со своей служанкой, которой она доверяла, она вынесла мертвое тело на улицу, но не захотела покидать его и, взяв шпагу покойного, пронзила насквозь сердце, причинившее ей столько горя, чтобы за все его наказать, и упала мертвой на тело любимого. А наутро отец и мать ее увидели эту жалостную картину из окна и, оплакав, как полагается, свою дочь, похоронили любовников вместе.

– Итак, благородные дамы, мы видим, что чрезмерная любовь приводит к несчастью.

– Что мне больше всего нравится в этой истории, – сказал Симонто, – так это то, что оба они любили друг друга одинаково страстно: когда дворянин этот умер, подруга его не захотела без него жить. И если бы господь послал мне такую женщину, я уверен, что полюбил бы ее так, как никогда еще не любил.

– А мне все же кажется, – сказала Парламанта, – что вы не будете так ослеплены любовью и подумаете о том, чтобы сначала перевязать себе руку, чего этот человек не сделал. Прошло ведь то время, когда мужчины готовы были совсем о себе забыть ради дам.

– Да, но не прошло время, когда дамы забывают о жизни своих кавалеров и думают только о наслаждении.

– По-моему, на свете нет такой женщины, – сказала Эннасюита, – которая могла бы радоваться смерти мужчины, будь он даже ее злейшим врагом. Но уж если мужчины решаются убивать себя, дамы не могут их от этого уберечь.

– Да, но та, которая отказывает в куске хлеба человеку, умирающему от голода, этим его убивает, – сказал Сафредан.

– Если бы ваши просьбы были столь же основательны, – сказала Уазиль, – как просьба нищего, который молит о самом необходимом, то со стороны дам было бы непомерной жестокостью

³⁷¹ Кремона – город в северной Италии; в описываемую эпоху принадлежал миланским герцогам.